

18+

НАПЕРШКИ
САДЕЯ

ОПРАМ

Макс Фрай

НаперСники синея

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20612187
Фрай, Макс НаперСники синея: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-098810-5

Аннотация

«Капитан Очевидность мертв, а я еще нет», – примерно это, вероятно, хотел сказать автор, публикуя долгожданное продолжение кровавого триллера «Няпиздинг СЭНСЭЕ». Захватывающие погони ума за ускользящей мыслью, безжалостные перестрелки с внутренним космосом, насильственное использование букв кириллического алфавита, жестокая трансформация смыслов, черная рука бессознательного, гроб на колесиках сансары, все вот это вот, непостижимое и неопределенное. Ужас, короче.

Книга публикуется в авторской редакции

Содержание

N		6
	Now I know	6
A		8
	А потом пришли домой и сели ужинать	8
	Адвокат Д	12
	Алфизика нетвердого тела	17
	Ангел Дживз	18
	Ангел, которым	22
	Армагеддон он-лайн	23
Б		25
	Божественная фамильярность	25
	Бытие определяет сознание лишь отчасти,	27
В		32
	В гараже нашлась лопата	32
	В городе	34
	В дюнах	35
	В кармане	36
	В машине	38
	В начале	40
	В новостях пишут,	42
	В парке	43
	В том месте,	44
	В южных городах	45

Ваше счастье,	46
Весна идет	49
Взросление подобно смерти,	50
Влачил унылое существование	51
Возвращение джедая	53
Времена меняются	54
Все мы, хотим того или нет,	55
Все сходится	56
Все такое важное,	58
Всякий раз,	61
Вчера мы стояли на берегу речки	62
Г	64
Где твои деньги?	64
Городские новости	67
Д	68
Две прехорошенькие девицы	68
Диалоги о художниках	69
Дитя из преисподней	74
Для души	79
Донкихотство как выгодная долгосрочная стратегия	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Макс Фрай

НаперСники синея

– А у меня вопрос про вашу книжку «НаперСники синея»... – сказал читатель.

– ЧТО?!

В конце концов выяснили, что он имел в виду книжку «Няпиздинг сэнсэе». Теперь ясно, как должен называться второй няпиздинг (у нас были нелепые, негодные версии: «Няпиздинг-2», «Няпиздинг всегда с тобой», «Возвращение кровавого няпиздинга»). Но читатель Максим Логунов спас нас от позора и великодушно разрешил использовать его вариант в своих негодяйских целях. За что ему огромное спасибо.

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

N

Now I know

W.H.

– Все-таки ничего волчьего¹ я в этом городе не вижу.

– Я тоже.

– Наверное, мы чего-то важного не знаем о волках.

– Да ну... Нет, слушайте! До меня только что дошло. Это был не волк. Князю приснился койот. Тогда все сходится: койот же у индейцев проводник в мир духов, главный культурный герой и вообще божество. Князю совершенно точно приснился койот! Тогда понятно, почему такой город получился.

– Да, тогда понятно.

– Просто князь же никогда не видел койотов. И про индейцев не читал. Подумал – волк. Ну, мелкий, да, рыжий, хлипкий какой-то.

– Но все равно похож.

– Ну! И тут приходит жрец, спрашивает, что приснилось.

¹ Согласно легенде, князь Гедиминас, уснув в месте слияния двух рек, увидел во сне железного волка, пересказал сон жрецу, и тот велел срочно строить город. Построили. Получился Вильнюс.

И князь ему честно говорит: волк! А что слишком мелкий, так о том жрецу знать не обязательно. Неловко же вот так сразу признаваться, что тебе, великому князю, приснился какой-то несерьезный волк. Он наоборот, решил прихвастнуть. Сказал: «Волк был железный!»

– Точно. Это компенсаторное.

– Ну и пошли сразу строить город. Раз уж такое дело, железный волк приснился. Хоть и койот.

А

А потом пришли домой и сели ужинать

На стене на улице Скапо висят бумажки с вопросом: «Чего ты ждешь?» И чистое поле для ответа. На некоторых бумажках ответы уже есть: «Путешествия», «Любви», «Когда сдам экзамен», – и так далее.

Достаю из кармана карандаш и пишу правду: «Себя». Потому что действительно жду не дождусь. Вечно я где-то шляюсь.

Я живу сейчас таким интересным образом, что дорога в Старый город и прочий центр неизбежно пролегает через весь Ужупис. Мне всегда казалось, что Ужупис слишком прекрасен, чтобы там как-то специально гулять, через него надо бегать по делам, как минимум, дважды в день. Можно чаще.

Ну вот, бегаю теперь. От порога до ангела – пятнадцать минут обычным, не медленным, но и не стремительным шагом. Надеюсь, еще долго не надоест.

Район, где я живу, похож на Карлсхорст моего детства больше, чем любое другое место на земле. Возможно, даже больше, чем современный Карлсхорст. Здесь на невысоких холмах стоят редкие условно новые пятиэтажки вперемешку с частными домами, окруженными невысокими заборами и палисадниками. И куда ни помотришь, всюду лес (на самом деле это парки, но наши виленские парки – это просто куски леса, через который пророс город, так что все сходится).

И запах, божечки. Тот самый запах близкого леса, смешанный с запахом близкого неба. Вы знаете, как пахнет небо? Я знаю с детства. Но описать, конечно, не могу. Нет нужных слов. Немножко влагой, как море, только без соли и водорослей, немножко свежеиспеченным хлебом неизвестного мне сорта, немножко снегом, немножко разогретым камнем, что совершенно логично: небесная твердь постоянно, даже зимой нагревается от близости звезд. Остальные компоненты непостижимы и неопределенны, как все самое интересное, увы.

И когда я вечером иду домой через Ужупис, глазею по сторонам, мне, как в детстве, кажется, что за каждым окном живут очень счастливые люди. И что у них очень интересная жизнь.

В детстве думать так было для меня не просто легко, а естественно. Я по природе сокрушительный, неубиваемый

оптимист, который портил книжки, дописывая после каждой сказки, заканчивающейся словами: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день», – «А ПОТОМ ПРИШЛИ ДОМОЙ И СЕЛИ УЖИНАТЬ». Мне это казалось естественным развитием событий после смерти, о которой доподлинно известно (было мне тогда), что она – просто путь домой, очень долгий и трудный путь, как из дальнего леса с полными корзинами грибов – час пешком до станции, час на электричке, еще пятнадцать минут по своей улице, немножко на горку, вверх. После такой прогулки надо сразу идти на кухню, пить чай с тем самым хлебом, которым пахнут небеса. И только потом раздеваться и в ванную.

Взрослый человек, который получился из этого нелепого оптимистического ребенка, к несчастью своему, обладал недюжинной способностью наблюдать факты и делать из них выводы, по большей части, скорее верные, чем нет. И очень быстро просек, что за светящимися в ночи леденцовыми окнами скрываются, в основном, бедные зайцы, чтобы не сказать, несчастные мудаки. И жизнь у них, в лучшем случае, просто неинтересная. Какая она в худшем случае – ничего не хочу об этом знать. Унесите. Спасибо.

Этот взрослый человек никуда не делся. Будем честны, он – это я.

Но я – не только он, вот в чем штука. Этот мрачный взрос-

лый человек с аналитическим умом и беспощадным сердцем наперевес – очень небольшая часть меня. Чуть больше перчатки, но гораздо меньше самого куцега пальто, не о чем говорить.

И когда сегодня этот взрослый человек, шел домой через Ужупис, он (она, оно) смотрел на светящиеся в темноте окна и думал, что за этими окнами живут очень счастливые люди. И что у них очень интересная жизнь.

Сам думал, никто его не заставлял.

И это означает, что бумажки на улице Скапо, вопрошающие: «Чего ты ждешь?» – работают не только эффективно, но и быстро. Очень быстро, примерно за десять минут срабатывают.

Очень рекомендую.

Адвокат Д

– Вызовите, пожалуйста, скорую помощь.

Старик говорит по-русски, опирается на два костыля, выглядит, как бездомный пьянчужка, однако совершенно трезв. Узкое, как ребро ладони, темное лицо, перебитый (не сейчас, давным-давно) нос, васильково-синие глаза.

– Вызовите, пожалуйста, скорую помощь.

Выглядит он при этом явно не умирающим. И передвигается бодро – насколько это возможно для человека на костылях.

В «Кофеине» у входа в торговый центр «Европа» еще не убрали уличные столики. И правильно сделали, сегодня, например, плюс десять. Очень теплый у нас нынче ноябрь. Почти все места заняты, но вызывать скорую помощь никто не хочет. Отворачиваются,жимают плечами, отводят глаза. Я смотрю на них с такой же надеждой, как синеглазый дед. То есть с гораздо большей надеждой, потому что – помните, бродила одно время по интернетам карикатура: «Земля сейчас взорвется, но вы можете предотвратить взрыв. – Что надо делать? – Всего лишь позвонить по этому телефону. – Позвонить по телефону? Ой... я... ну ладно... а может быть?.. – Бабах!» Так это про меня. Я не просто не люблю, я НЕНАВИЖУ звонить по телефону. Другьям еще ладно, знакомым – туда-сюда, а в справочную например, или в ту же скорую

помощь – проще умереть.

Но если надо, звоню, конечно. Фобии фобиями, а надо – значит надо.

Ну и вот сейчас мне бы конечно хотелось убедиться, что в скорую помощь позвонил кто-нибудь другой, и пойти по своим делам. Но нет, елки, никто не хочет связываться с непонятным дедом, все отворачиваются, ладно, убейте меня пожалуйста кто-нибудь, все, все, 911, экстренный вызов, звоню, объясняю ситуацию, говорят: «Сейчас приедем». Спрашиваю: «Мне подождать?» – «Да, обязательно».

Ну йопта, блин.

Дед тем временем понял, что никто ему помогать не собирается и побрел прочь. Пришлось догонять.

– Эй, – говорю, – стойте. Вы теперь моя добыча! Даже не вздумайте удирать.

– Что?!

– Скорая помощь сейчас сюда приедет, – говорю я. – Если вы к тому моменту уйдете, они мне голову оторвут. И сделают укол. Знаете, как я боюсь уколов? Уууу!

Дед смотрит на меня, как на психа, а потом наконец понимает, что я шучу. И расплывается в улыбке.

– Так что, вы правда скорую помощь вызвали? – спрашивает он.

– Ну да. Вы же просили.

– Спасибо, – говорит дед. – Хоть один хороший человек

нашелся. Хоть один человек! А эти все вообще как не люди.

– Да ладно вам, – говорю я. – Они все вполне себе люди. Нормальные, не злые. Просто жизнь сейчас такая дурацкая, все очень устают. И не хотят никаких новых проблем. Своих выше крыши. И они все не кончаются. На чужие проблемы просто нет сил.

– Ну позвонить-то нетрудно, – говорит дед. – И даже бесплатно.

– Понимаете, – говорю я. – Позвонить нетрудно. Но это же ответственность. Вот если вы, например, сейчас уйдете, меня оштрафуют за ложный вызов – и привет. Люди боятся ответственности, штрафов, наказаний. Да они вообще всего нафиг боятся и постоянно друг друга пугают, а потом еще больше боятся, такая у них жизнь.

Дед недоверчиво качает головой.

– А что, правда оштрафовать могут?

– За ложный вызов? Да запросто, – говорю я, хотя на самом деле точно не знаю. Просто предполагаю. Должно же быть какое-то разумное объяснение, почему из пары десятков человек, тусивших у входа в торговый центр, никто не захотел сделать бесплатный звонок в службу экстренной помощи и вызвать врача.

– И еще тот, кто вызвал скорую помощь, должен ее дожидаться, – говорю я. – А неизвестно же, сколько они будут ехать. У меня просто время есть, я никуда не опаздываю. А люди, наверное, с работы на десять минут выскочили кофе

выпить, им задерживаться нельзя. Они поэтому не захотели звонить. А не со зла.

– Ну да, – соглашается дед. – Если надо ждать, тогда понятно. Я думал, можно просто позвонить и уйти. А оно вон как.

– А оно так, – говорю я. – Все в общем нормальные люди. Просто устали, спешат и боятся. А так – вполне ничего.

А про себя вдруг думаю: хорошо, если это ангел небесный к нам с проверкой явился. Очень удачно, что он на меня напоролся. Я любому ангелу могу объяснить, какие у нас нынче проблемы самые актуальные: страх и усталость, усталость и страх. И если в этом месте немножко подкрутить гайки, в смысле наоборот, раскрутить, то все может и ничего будет. Ну, то есть у меня такая версия, а как на самом деле, экспериментальным путем надо проверять.

– Здесь раньше было пусто, – вдруг говорит дед, простирая руку над площадью Европы.

А я думаю, надо же, как здорово это у него получилось – вроде про площадь сказал, здесь и правда раньше был пустырь. А вроде и про весь мир. Который тоже когда-то был пустынен, если верить некоторым источникам.

– Мне об этом рассказывали, – осторожно соглашаюсь я, так, чтобы получилось и про площадь, и про весь мир. – Но меня тогда здесь не было. Я тут сравнительно недавно живу.

– Издалека? – понимающе ухмыляется дед.

– Издалека, – соглашаюсь я.

Что во всех смыслах вполне себе правда.

...Некоторое время мы умиротворенно молчим. Наконец на площадь перед торговым центром выруливает скорая помощь, из машины выскакивает молоденький врач.

– Я могу идти?

– Да, конечно, – отмахивается он.

– Выздоровливайте, – говорю я старику. И на всякий случай – а вдруг все-таки ангел-инспектор? – торопливо добавляю: – И не сердитесь на всех остальных. Они устали, у них нет времени, им страшно. А то были бы вполне ничего.

И поспешно низвергаюсь под землю, во тьму подземного перехода, где адвокатам-любителям вроде меня самое место.

Алфизика нетвердого тела

Некоторые необратимые, роковые поступки, когда их совершают люди сильные, страстные, необузданные и исполненные любви, могут дать очень интересный эффект. Пространство вокруг совершившего роковой поступок постепенно становится магическим. Потому что сила его желания отменить случившееся неописуемо велика, однако ее обычно не хватает на то чтобы его действительно отменить – это самое невозможное из невозможного, никому не по зубам.

В результате мы получаем источник невероятной силы, которая не может быть использована по прямому назначению, и в итоге творит что заблагорассудится – не ее страдающему от непоправимого источнику, а миру вокруг.

Ясно при этом, что от необратимых поступков бездушных негодяев никакой практической пользы. Равно как от необратимых поступков добрых и совестливых, но недостаточно сильных духом людей.

Ангел Дживз

На самом деле следовало бы просто записать в дневнике: «Кормили ангелов сахаром». Или: «Дали ангелу божьему две конфетки». Это была бы чистая правда – в той самой любимой мною форме, когда сухие факты похожи на фрагменты чужого сна.

Тем не менее.

Когда-то давно мне про этот Холм Ангелов рассказывала знакомая, у которой подружка живет под Тракаем. Ну как – рассказывала, просто мельком упомянула: «Она живет возле Холма Ангелов». И мне так понравилось, как это звучит, что не захотелось уточнять.

Прошло несколько лет, и вчера гость города Х. вдруг спросила: «А вот знаете ли вы Холм Ангелов где-то возле Тракая и как туда добраться?»

Пришлось пообещать, что обязательно узнаю дорогу. Но обещание, каюсь, вылетело из дырявой моей головы.

Но кого остановит чужая дырявая голова. Ангелы сами позаботились, чтобы мы узнали о них.

Сегодня с другим гостем города Н. внезапно поехали в Тракай. Ехали моей любимой длинной дорогой, уже почти приехали, как вдруг Н. спросила: «А что это там за ангелы справа от дороги?»

Ну и оказалось, что рядом с дорогой, по которой я езжу примерно пару десятков раз в год, на самом виду красуется этот самый Холм Ангелов (настолько пологий, что холмом я соглашаюсь считать его только условно, для красоты звучания фразы), густо покрытый деревянными ангелами.

Нет, вру. На самом деле не очень густо. У них там необъятный простор.

Ангелы бывают такие:

– Ангелы скамеек. Это ангелы, просто сидящие на скамейках. Рядом с каждым ангелом много свободного места, так что можно сесть рядом.

– Ангелы-скамейки. В отличие от первых, которые антропоморфны (ангеломорфны), эти выглядят именно как скамейки. Но крылатые! Я думаю, это просто скамейки, которые при жизни достигли просветления. И теперь доживают в таком виде.

– Ангелы-специалисты. Это, конечно, самое интересное. Специализация у каждого ангела своя. Есть ангел любви, ангел здоровья, ангел надежды (очень, очень печальный), ангел хороших новостей (этот стоит далеко-далеко на отшибе, к нему нужно брести через поле, где цветут редкие маки и васильки; подозреваю, кроме нас никто до него еще не добирался, поэтому хороших новостей так мало). И еще много разных хороших ангельских специальностей, все не упомянешь. Среди ангелов разных общегуманитарных ценностей

выделяются ангел самоуправления Тракайского района, ангел какого-то кооператива, ангел соседней школы – стоят среди прочих, никто их не дразнит и не задирает, все профессии почетны.

– А еще есть ангел божий. Вот просто Dievo angelas, и все, так и написано. Он самый большой, самый красивый и самый мрачный. Практически в отчаянии. И явно очень устал. Мы сразу поняли, что он состоит при Господе, как Дживз при Вустере. Не позавидуешь! Очень трудная жизнь.

Штука еще и в том, что возле всех ангелов-специалистов (кроме ответственных за конкретные организации) стоят специальные ритуальные железные деревья для подарков. Ну, то есть такие штуки, на которые подарки удобно вешать. И больше всего подарков у ангела любви – ничего не подделаешь, всем женихов надо. На втором месте ангел здоровья. У остальных – понемножку, или вовсе никаких подарков нет. Очень за них обидно!

Дарят же ангелам в основном... Правильно, ангелов! Сувенирных и самодельных, керамических и вязаных крючком. Какие есть, таких и дарят, короче. Видимо, чтобы ангелам было с кем дружить.

Когда мы увидели, что ангелу дружбы не принесли ни единого подарка, мы возмутились окончательно и решили исправить положение. Но ангелов у нас при себе не было. Зато был сахар из кафе. Пришлось дать ангелу дружбы сахар.

А божьему ангелу Дживзу мы отдали две конфетки, тоже из кафе. Которые прилагаются к кофе, а мы не съели, припрятали. И правильно сделали, как выяснилось. Когда мы уходили, оставив конфеты, он больше не выглядел мрачным. Просто задумчивым и усталым. Но это в его положении неизбежно.

Ангел, которым

меня родили, стал совсем-настоящим-обыкновенным-человеком в возрасте пяти с небольшим лет.

Совсем-настоящий-обыкновенный-человек начинается со страха. Мне и так было это понятно, но теоретически. Теперь знаю точно.

У меня было очень счастливое детство, мне удалось прожить без страха (без представления о том, что такое страх) очень долго. Целых пять с лишним лет. Царский подарок на самом деле. Потому что до своего пятилетнего сознания дотянуться гораздо легче, чем до младенческого. Может и дотянусь.

Утрата невинности (а впустить в себя страх – это и есть утрата невинности) совершенно необходима для того, чтобы потом к этой невинности вернуться осознанно, вопреки опыту и вообще всему. Ясно, что совершенно невозможно, ну так а зачем еще мы здесь собрались? Это прекрасное упражнение развивает прямые мышцы сознания и косые мышцы кармы.

Армагеддон он-лайн

Похоже, что стремительное развитие именно информационных технологий – это, в первую очередь, создание безупречного инструмента эскалации страха и ненависти в среднеарифметической тушке среднеарифметического же пользователя.

Мало что упрощает сознание так эффективно, как страх и ненависть.

Поэтому страх и ненависть – чувства, испытывать которые нельзя себе позволять. Как нельзя пограничнику в военное время пропускать врага на охраняемую им территорию. Потому что время уже давно военное. Последняя Битва, о которой так много говорили товарищи Вельвы, просто растянулась на очень-очень много лет. И внешне далеко не всегда похожа на битву.

Есть, грубо говоря, две культурные парадигмы. Одна направлена на развитие сознания, другая – на упрощение и скотоморфирование его. Проявляться это может сколь угодно разнообразно, принимать самые неожиданные формы, но суть всегда в общем очевидна. И где на этой войне наши, а где нет, тоже видно сразу.

Им (не нашим), кстати, тоже сразу видно.

Хитрая фишка тут в том, что когда ты боишься и/или ненавидишь врага, автоматически начинаешь играть на его стороне. Сколь бы оправданным ни был страх и сколь бы справедливой ни была ненависть, они упрощают сознание. Такая засада.

Предпринимать действия против врага при этом можно и нужно. Просто без страха и ненависти. Это возможно (стро-го говоря, только так и возможно) для развитого сознания, белив ми.

И еще одну штуку скажу, совсем простую. В этой затяж-ной последней битве победит или парадигма развития созна-ния, или никто. Потому что в качестве еще одной породы обезьян человек на этой планете на хрен не нужен. Он для другого придумывался. Или будет работать на свое высшее предназначение (быть полигоном для выращивания и трени-ровки духа), или спокойной ночи, малыши.

Б

Божественная фамильярность

Цыганский Симфонический оркестр Будапешта – это когда примерно полсотни развеселых божеств приходят на землю, как в кабак, вселяются в примерно полсотни человеческих тел и пересотворяют мир заново – не потому что прежняя версия была неудачной, а просто ради бесконечно-го счастья еще раз его сотворить.

Цыганский Симфонический оркестр Будапешта вообще, в первую очередь, про бесконечное счастье. В том виде, в каком оно доступно прямо здесь и сейчас, на этой земле – в те редкие моменты, когда слабый и глупый, из костей, мяса и повседневных забот слепленный человек становится вратами в небо. И все, кто оказался поблизости, в эти врата неизбежно входят. Потому что это не вопрос выбора, никогда не вопрос выбора. А только возможности, которая или есть, или нет.

Когда играет Цыганский Симфонический оркестр Будапешта, она есть, я точно знаю. Врата открылись, и мы вошли. На небесах было хорошо. Но и вернуться потом обратно на землю – тоже ничего себе. Путешествие можно считать по-настоящему удавшимся, когда возвращение не приносит

разочарования, вы это знали? Я, кажется, нет. До сегодняшнего дня – нет. Теперь-то, конечно, знаю.

Они, эти венгерские симфонические цыгане, играют, сияя от счастья. От той его простой и чистой разновидности, которая – следствие полноты, целостности и уместности человеческого существа. Они адресуют друг другу и за компанию залу легкомысленные, как бы ни к чему не обязывающие улыбки, они играют без нот, с божественной фамильярностью небожителей, без тени старания и тем более опасения совершить ошибку. Не может быть никакой ошибки, когда музыка – это и есть ты.

Бытие определяет сознание лишь отчасти,

степень влияния условий и обстоятельств на формирование сознания всегда очень индивидуальный вопрос. Зато сознание целиком определяет бытие. Речь не столько о персональном сознании каждого, сколько о сумме сознаний всех нас, одновременно живущих сейчас, здесь, на этой земле.

И тут, к сожалению, действительно работает принцип демократии, которую я ненавижу. То есть большинство всегда побеждает. Так устроено, ничего не попишешь. В этом, собственно, и состоит пиздец.

Я имею в виду, что сумма человеческих сознаний создает картину мира. А потом уже всякое сознание в индивидуальном порядке воспринимает созданное коллективным трудом.

Я хочу сказать, что каждую секунду своей жизни мы, сами того не осознавая, утверждаем и закрепляем текущую реальность своими представлениями о ней. «Сами того не осознавая» – ключевой момент. И еще один из слонов, на которых стоит упомянутый выше пиздец.

(«Один из слонов пиздеца» – это я, конечно, прекрасно формулирую. Но кому от этого легче.)

На неосознанное поддержание картины мира уходят почти все силы всякого отдельного человека. Сил этих на самом деле до хрена, но все мы в положении рантье, живущего, скажем, на 2 процента годовых. Причем в условиях постоянной инфляции, которая делает наше состояние с каждым годом все меньше.

Работа по поддержанию реальности, повседневный результат которой, замечу, не устраивает никого (или почти никого) из нас – это, скажем так, наша с вами пожизненная каторга. Вопрос, конечно, как с этой каторги сбежать; впрочем, честный ответ «умереть» мало кого устроит. Зато от каторги можно время от времени отлынивать. Самый верный способ – медитация и сходные практики, приводящие к внутреннему молчанию (не путать с размышлениями на высокодуховные темы, которые почему-то считают «медитацией» многие современные читатели брошюр и посетители семинаров «Йога для похудения и карьеры»).

Одновременно чрезвычайно полезны любые практики, позволяющие увеличить капитал, на условные два процента с которого мы живем. В смысле личную силу. То есть (извините) энергию, о которой написано уже столько ужасающих глупостей, что никто уже толком не понимает, о чем речь. Но что теперь поделаешь.

Теперь немного подробнее о том, как работает «демократия». Штука в том, что один человек с огромной, немисли-

мой личной силой может переделать сообразно своим представлениям небольшую часть реальности. Если он называется «гуру» и вокруг него выются ученики, в некотором радиусе от этой группы реальность будет работать по другим законам. В смысле зимой расцветут подснежники, злодеи станут покаянно рыдать, мучимые приступами эмпатии, а старики в соседней деревне внезапно доживут до ста пятидесяти лет, ничего специально для этого не предпринимая.

Однако никто не может изменить реальность всего человеческого мира сразу. Просветление Будды – событие его персональной реальности. И (возможно) персональных реальностей некоторых его учеников. Место происхождения, возможно, станет священным (то есть местом, где действуют немного иные законы и причинно-следственные связи, чем на других территориях). Но для человечества в целом ничего не изменится. В каких-нибудь ста километрах от священного места, люди продолжают страдать от неисполнимых желаний, чихать от простуды, убивать и скучно по-житейски мучить друг друга – просто по привычке, потому что так делали деды. И даже на секунду не ощутят течение потоков невиданной божественной силы в своих искореженных собственными и чужими представлениями о так называемой «реальности» телах. Через какие-нибудь сто лет, слова, сказанные Буддой, станут для большинства последователей его учения просто «правильными» словами, которые следует произно-

силь в определенных случаях и, конечно же, обдумывать.

Е-мое.

...(Я конечно немного утрирую – просто для того, чтобы вышло как можно более наглядно. То есть я думаю, что утрирую, а на самом деле даже это не факт.)

Все вышеописанное происходит не потому что Будда что-то сделал не так. А только потому, что ни один святой и просветленный, даже ни одно божество, спустившееся на землю в человеческой форме, не может перевесить весь мир и в одиночку изменить общее бытие, созданное совместными неосознанными усилиями всего человечества.

Дело именно в этом, ни в чем другом.

Поэтому тщетность усилий каждого из нас, носящих в себе иные, то есть отличные от общих и несколько более близкие к совершенству представления о реальности, неизбежна и очевидна.

Но с этим ничего не поделаешь. Кроме не менее неизбежного и очевидного вывода: просветительство рулит.

Все, что можно тут сделать, – стараться говорить на как можно более понятном как можно большему числу людей. И расшатывать эту их чертову, им самим ненавистную картину мира, на поддержание которой уходят все силы – их и наши.

Но наши все-таки не всегда.

Тщетность, данная нам в ощущениях, ходит рука об руку не с надеждой даже, а с уже свершившейся победой. Свершившейся когда-нибудь потом. Не при нас и не для нас. Но при нашем непосредственном участии.

В

В гараже нашлась лопата

Одно из самых жалких зрелищ на свете – это когда кто-то кого-то (что-то) любит и молчать о своей любви по каким-то причинам не хочет, но больше всего на свете боится показаться восторженным идиотом и потому говорит осторожно, с оглядкой на строгих скептически настроенных знакомых, буквально через слово оправдываясь – да, я и сам понимаю, что объект моей любви ничего особенного собой не представляет, и многим он кажется полным говном, причем, наверное, заслуженно, зря говном называть не станут, да и не любовь у меня к этому объекту, а так, слабость, по-человечески вполне простительная, весна на дворе, в конце концов, в общем, я тут шел мимо этого заурядного, как всем умным людям понятно, объекта и, знаете, в каком-то таком ракурсе его вдруг увидел, что он показался мне не особенно отвратительным, даже симпатичным, но завтра это, конечно, пройдет.

И беда тут не в том, что, услышав в очередной раз все вот это вот, хочется уебать говорящего лопатой. Желание уебать лопатой – чувство приятное, полезное, освежающее и свиде-

тельствующее о крепости психики, обеспеченности организма витаминами и общем задорном настрое. Ну и найденную в гараже старую лопату сразу понятно куда применить, чтобы без дела место не занимала.

Штука, понимаете, в том, что тот, кто боится показаться дураком, когда говорит о любви, теряет способность любить. Храбрость – обычный входной билет на эту счастливую карусель. Сами не заметите, как станете сварливыми старикашками (молодежь, не расслабляйтесь, это удивительное мистическое состояние и в первом классе достижимо), с которыми никогда ничего интересного не случается.

Когда мы самозабвенно восхищаемся (все равно чем), мы растим свое сердце. А ему надо, очень надо расти. Даже больше, чем гениальному супермозгу, гордо плещущемуся в сосудах наших черепов.

В городе

днем было тепло, и даже солнца нам выписали, как положено. И можно, бегая по разным мелким делам, перекладывать лежащие на земле сухие ветки, чтобы получались руны. Чтобы всякому, кто внимательно смотрит под ноги и умеет читать рунический алфавит, был добрый знак.

Забавно бывает обнаружить в какой-то момент, что это теперь – твоя работа. И занимаясь ею, ощущаешь вовсе не возвышенный мистический трепет, а мирное дворницкое удовлетворение от наведенного порядка.

В дюнах

отец и сын лет семи-восьми развлекаются, гоняясь друг за другом по крутым песчаным склонам. «Папа, – кричит мальчик, – смотри! Я сейчас научу тебя быстро падать!»

Призрак Ницше появляется у него за спиной и аплодирует.

В кармане

давно не надеванной куртки нашелся старый блокнот с записями. Разрозненные фрагменты текущих событий и фрагменты будущих (теперь-то уже прошлых) рассказов. В хозяйстве уже не пригодится, все давно переписано (или отвергнуто). Можно выбросить или сжечь этот бумажный хлам.

А можно вырвать из блокнота исписанные страницы, свернуть их аккуратно трубочками и разнести по всему городу, подсовывать потихоньку в разные щели, в замки, висящие на мостах, подклеивать к афишам на тумбах, оборачивать ими ветки деревьев, прикапывать в речной песок, чтобы у случайного прохожего появился крошечный шанс заметить бумажку, взять, развернуть и прочитать (если, конечно, понимает по-русски, но у нас многие понимают): «Один серьезный постоялец пожелал, чтобы я пошла к черту, и я отлично провела там время, даже в Барселоне так не развлекалась». Или: «Риелтору Марии благоприятна стойкость» – или: «Блондинка, слишком красивая для 7 часов утра» – или просто: «Заметили».

И еще несколько дюжин вариантов.

На моем внутреннем языке подобные действия называются: «внести хоть немного здравого смысла в окружающее человеческое безумие». Потому что мой смысл – самый

здравый смысл на этой прекрасной земле (из более-менее выражаемых словами, конечно, с абсолютно невыразимыми смыслами мне пока тягаться рановато).

В машине

Насте

слушали «Vacanze Romane» Matia Bazar. Все остальное мне у них вообще никакое, не раздражает и на том спасибо, а вот «Римские каникулы» выворачивают меня наизнанку, глупым сердцем наружу, лучшая музыка для короткой поездки лунной летней ночью, трепетный такой винтаж.

Перед этим пили розовый берлинский лимонад из ревеня, сидя в «Кофеине» на Вильняус, сперва на стульях, потом пересели на подоконник, потому что в полночь «Кофеин» на Вильняус превращается в тыкву, а из стульев его строят вавилонскую башню. И сегодня построили, прямо у нас на глазах.

Еще перед этим видели вечеринку светлячков-оборотней на задворках Ужупского инкубатора.

Проходили потом по Кафедральной площади, и я говорю: «У нас же тут плитка с надписью «stebuklas», а ну давай становись, загадывай желание, да вот хотя бы мир во всем мире... черт, еще недавно это звучало как надоевшая шутка».

...А теперь только ночь, луна, profumo tuo di vacanze

гопане и прочая дольчевита. И насекомое золотоглазка деловито ползет по экрану моего компьютера. Оно, наверное, слышало краем уха (крыла? лапки? задней части брюшка?) про ослепительно-белый божественный свет и радо, что может слиться с ним прямо при жизни, не откладывая на потом.

В начале

улицы Чюрлене кто-то нетерпеливый и страстный украсил голые еще по-зимнему кусты бледно-сиреневыми искусственными цветами, спасибо ему за обман.

Текущая совокупность значений метеорологических элементов и атмосферных явлений милосердна – не столько ко мне, сколько к моей работе, стойко несет караул в районе нулевой отметки, иногда кидает в серый суп дня щепоть холодных осадков – если и сбегу от письменного стола, далеко не уйду, вернут.

Все же у меня довольно странная жизнь. В детстве мне хотелось путешествовать; меня очень мучило понимание, что мне, наверное, не понравится в космическом корабле, как-то там все-таки стремно – но как же тогда отправляться на Марс и тем более в другую галактику?! Время показало, что страх обосраться в космическом корабле так и останется умозрительным, на практике его захочешь – не воплотишь, и мне даже как-то полегчало. Впрочем, вместо того, чтобы путешествовать, я все равно сижу за письменным столом и занимаюсь полной ерундой – ну, правда, по велению сердца. Из чего, вероятно, следует, что мое сердце – псих. И хочет совсем не того, чего на самом деле хочет, вот я о чем.

В начале улицы Чюрлене кто-то разрисовал мелом двери подъездов, такие четкие поспешные профили, как на пушкинских черновиках, только носы все больше картошкой. Есть на что поглядеть!

Это, как понимаем мы, были путевые заметки из единственно доступного мне сейчас далекого путешествия через весь Старый Город, с одного холма на другой холм.

В новостях пишут,

что рождественский поезд будет ездить по городу аж до 31 января.

То есть прикиньте. Конец января. В городе давным-давно убрали не только рождественские украшения, но даже жалкие их остатки. Трупы невинно убиенных елок вывезли со всех помоек. Витрины переделали под день Валентина или какой там у нас следующий праздник незамутненного шоппинга. Народ, уставший от зимы, оказавшейся не такой милой, как на открытках, раскорячившись, бредет по гололеду с полными авоськами свиных ушей и шоколадных сердец. Троллейбусы томно подползают к остановкам, из офисов выскакивают покурить усталые менеджеры среднего звена. В общем, суровые будни. И посреди всего этого, сверкая огнями и бренча колокольцами, синий рождественский поезд. Невинный, как в первый день творения, прекрасный, как горячечный бред. Усталые менеджеры среднего звена выбрасывают сигареты, хозяйки роняют авоськи с шоколадными сердцами и свиными ушами, все дружно запрыгивают в вагончики, вытаскивают из кошельков последние два евро и уезжают навсегда. Больше их никто не увидит.

Все как я люблю, короче. Так и будет.

В парке

две вороны вцепились в газету и сражались за право ею обладать. Думают, что информация – это власть. Многие почему-то так думают, тогда как потребление информации давно уже стало принудительной повинностью.

В том месте,

где у нормальных людей сердце, у меня дует ветер.

В южных городах

легко перестать беспокоиться из-за пустяков. Сколько мусора на тротуары ни накидай, какую вонищу ни разведи в отдельно взятых местах, какой смертный ужас ни устрой в витринах, все это кажется, как минимум, уместным, а на самом деле, конечно, прекрасным, как сама жизнь.

Надо бы мне пожить на юге подольше. Северные города активизируют во мне не просто зануду, а целый клуб любителей орднунга, члены которого непрерывно судачат у меня в голове о мировом несовершенстве. Но стоит мне попасть на юг, как вся эта бригада отправляется на свой вечный внутренний пляж; сильно подозреваю, что они там ныряют с пирса с гиканьем и без трусов. А я от них отдыхаю.

Ваше счастье,

что я сейчас не художник, в смысле не рисовальщик. Поэтому вы не увидите цикл живописных полотен «Страх, пожирающий заживо». Если учесть, что в душе я ласковый немецкий экспрессионист типа Отто Дикса, всем повезло вдвойне.

Я уже далеко не в первый раз сталкиваюсь с тем, что любой самый невинный разговор о необходимости отмены каких-нибудь глупых (или просто излишних) запретов большой частью аудитории воспринимается как покушение на их личную безопасность.

Как будто, к примеру, отмена запрета ездить без ремней безопасности равносильна запрету этими ремнями пользоваться. А, скажем, отмена запрета на употребление наркотиков тождественна принудительному кормлению этими самыми наркотиками – и не отвертись! А эвтаназия – натурально легализация убийства, или даже обязанность умирать, достигнув пенсионного возраста. И тогда нас уж точно не спасти.

До меня только сейчас дошло, на что это похоже. Многие (далеко не все, но случай очень распространенный) люди, испытывающие страх высоты, описывают его как почти непреодолимое желание прыгнуть вниз. То есть боятся они,

получается, не столько самой высоты, сколько своей неспособностью удержаться от рокового прыжка в бездну.

Тогда становится понятно, почему люди так любят законодательные запреты. И позволяют обществу делать с собой практически что угодно, лишь бы помогло удержаться на краю пропасти, куда неодолимо тянет. И все, дураки такие, попрыгают в эту пропасть вотпрямщас, увлекая за собой остальных.

Непонятно другое – какую ценность имеет жизнь, исполненная столь дикого, неконтролируемого страха перед собой, что без хозяина, ошейника, палача и веревки невыносимо? Ну, разве что, биологическую, размножения никто не отменял. Если у нас тут скотоферма и план по производству мяса, тогда вопросов больше не имею.

Но не хотелось бы вот так сразу угадать. Поэтому вопросы все-таки остаются.

Пожирая людей заживо, страх вполне предсказуемо начинается с мозгов (они, наверное, вкусные только пока свежие). Это можно было бы очень смешно изобразить – такой цикл портретов, каждый гражданин со своим страхом на голове. У кого-то страх похож на черную папаху, у кого-то – на футуристическую конструкцию, у кого-то – на голую Бабу-ягу без трусов, зато с большим уполовником. Но с чувством юмора у меня, как известно, беда. Мне не кажутся смешными чужие страдания.

В общем, хорошо, что можно все это не рисовать.

...Когда я думаю, что эти несчастные, не контролирующие себя, даже минимально не осознающие происходящее люди ходят по улицам без смиренных рубашек, исполняют какие-то профессиональные обязанности, растят детей, мне становится настолько не смешно, что слов нет. Это в раннем школьном детстве мы беззаботно ржали, выкрикивая: «Дурдом на каникулах!» Но, кстати, гулять возле настоящего дурдома даже в ту счастливую пору остерегались. Вдруг психи оттуда кааак выпрыгнут?

Мы были идеалистами, как и положено нормальным детям. Мы не догадывались, что все психи уже выпрыгнули давным-давно. И ходят по улицам. Строго говоря, кроме них на улицах почти никого.

Весна идет

В городе дует южный ветер такой силы, будто принес нам не грядущее индейское (бабье?) лето, обещанное синоптиками, а настоящий апрель с цветением вишен и прочим таким совершенно бессмысленным накануне Дня Всех Святых.

Одновременно с южным ветром дует северный, зимний, ледяной, пока совсем слабый, прикинулся тонкой шелковой подкладкой в одном из рукавов бархатного теплого кафтана и тихим шепотом напоминает о себе.

Мы все знаем, чем это закончится, это кино нам крутят ежегодно, мы уже столько раз видели финал, что выучили его наизусть, но сегодня, пока южный ветер так нерасчетливо щедр, так обескураживающе силен, можно несколько минут в день побыть глупыми счастливыми дураками и поверить, что герой наконец победит.

Иногда мне кажется, что человек так пронзительно скоротечен специально для того, чтобы было кому не просто говорить о бессмертии по всякому поводу, но и утверждать его каждым вдохом своим.

И плевать на финал. В этой войне жизни и смерти на самом деле не бывает проигравших. Просто некоторые трофеи нам пока не под силу оценить. Но они все равно есть, лежат в наших солдатских ранцах, ждут своего часа.

Взросление подобно смерти,

и вся оставшаяся жизнь должна бы (сама себе должна) быть посвящена воскрешению, медленному и мучительно-му.

Влачил унылое существование

В городе жарко.

В связи с жарой спешно наступил август.

В крошечном «Кофеине» возле Филармонии нынче днем звучала одновременно английская, немецкая, испанская и польская речь. Ну и литовская тоже, куда без нее. Говорить с бариста по-литовски пришлось мне – просто для равновесия. Чтобы она наконец-то почувствовала себя как дома.

Потом мы сидели там под белыми тентами, дети разных культур, нежные, расслабленные, блаженно поглупевшие от жары и пырились кто в небо, кто в свои стаканы со льдом, а кто в небо – через стаканы. Медитация наша была прервана звонким, хорошо поставленным женским голосом. Для всех присутствующих это был просто голос, несколько чересчур громкий и четкий для такого жаркого летнего дня, а для меня – натурально гром небесный, ибо голос сказал: «...влачил унылое существование автор «Полонеза Огинского».

...Мимо низко (на низкие уличные диваны) павших нас процокала на высоченных каблучищах небольшая дамская экскурсия под предводительством строгой барыни на каблучищах еще более высоченных, натурально персонификация

русской духовности. Как орали носильщики на вокзалах моего детства: «ПАААБИРИГИСЬ!»

Влачил! Унылое! Существование!

Каково, а.

Пришлось отрывать свое унылое существование от мягкого дивана и влачить его в направлении дома.

По дороге, впрочем, мне встретилась местная богема в лице друга А. Мы очень обрадовались и повлачили свои унылые существования в ближайший бар, как и положено настоящей богеме. В баре мы напоили друг друга горьким апероль-шприцем. Духовности у нас обоих от этого дела сразу прибавилось, и мы обсудили важнейшие проблемы человечества. Все две!

Но я не расскажу какие, потому что это чужой (человечества то есть) секрет.

Возвращение джедая

У христианского праздника Рождество мог бы быть подзаголовком «Новая надежда», а у христианского праздника Пасхи, конечно же, «Возвращение джедая». К этим двум праздникам я питаю большую слабость, потому что Рождество вот всеми этими своими огнями и ярмарками помогает пережить темное дно зимы, а Пасха – это торжество жизни в чистом виде, на всех смысловых уровнях, во всех слоях бытия.

Пасха – это напоминание, что Бог жив, и поэтому все позволено. Только поэтому. И действительно – все.

Времена меняются

Это вообще самая сложная штука в мире – объяснить, как я чувствую, что «меняются времена», а на самом деле никакие, конечно, не времена, а направления (и намерения) несущих нас потоков. И еще сила нашего сопротивления этим потокам, и качество электричества, которое вырабатывается в процессе. И вообще все.

Самое досадное, что мало кто такие штуки чувствует, а без сходного опыта понять, о чем речь, вообще невозможно! Только что-нибудь свое придумать взамен – такая подмена вообще худшая разновидность лжи, поскольку неразоблачаема. Даже вопрос таким образом никогда не будет поставлен – все же ясно, чего.

Но времена все равно меняются, не дожидаясь, пока мы научимся об этом говорить.

Все мы, хотим того или нет,

воспитаны в рамках определенной культурной традиции; впрочем, «воспитаны» – ладно бы, наши базовые представления о мире сформированы соответствующей традицией, которая, конечно, хорошая, но чрезвычайно дурацкая, как и все тут.

В частности культурная традиция обещает нам (причем европейские и восточные в данном вопросе вполне единодушны), что в один прекрасный день перед достойным разверзаются врата, и появляется Учитель. Умный и красивый, ну или хотя бы фотогеничный. Ладно, как минимум просто антропоморфный! Он знает, чего делать, сейчас побьет палкой и объяснит.

Так даже бывает иногда. Чего только не бывает.

С такими представлениями о мире очень трудно обходиться без умного антропоморфного Учителя с палкой! Даже когда слепишь пару-тройку годных экземпляров из подвернувшихся под щупальце обломков хаоса, все равно иногда очень не хватает величественной фигуры Старшего из книжек и кино. Ну ничего страшного, значит, надо жить с этим чувством нехватки. Оно, собственно, тоже учитель. Великий учитель, щас палкой кааак даст!

Все сходится

Общеизвестно, что причиной строительства Вильнюса стал сон утомленного охотой князя Гедимины.

А из книги Томаса Венцлова «Вильнюс город в Европе» мы внезапно узнаем (ну, то есть я внезапно, а вы – как хотите) о письмах Гедимины с пометками «in civitate nostra Vilna»; по дате самого раннего письма принято определять год рождения Вильнюса – 1323. «Ни на одной карте такого города еще не было», – пишет Венцлова. И есть у меня подозрение, что никакого намека на город не было в тот момент не только на картах, но и по факту. Максимум – гнездо на дереве, в гнезде сидел жрец Лиздейка, славный не только умением причудливо интерпретировать чужие сны о волках, но и происхождением из орлиного гнезда. Под деревом сидели князь и его личный секретарь, обученный писать письма на латыни.

Жрец и князь были очень заняты. Они проводили интереснейший алхимический эксперимент: сколько писем с пометкой «написано в городе Вильнюсе» надо написать и разослать адресатам прежде, чем город появится сам, рожденный не усилиями строителей, но верой далеких читателей княжских писем.

Подпись, пометки – это же такие пустяки. На них не обра-

щают особого внимания, а значит, не подвергают сомнению. Написал Гедимин, сидя в какой-то там Вильне – ладно, как скажет, ему виднее, где он там сидит. Читаем дальше.

Адресатами Гедимины были люди, скажем так, непростые. Папа, разнообразные епископы, коллеги-короли. Люди, стало быть, огромной личной силы (по тем временам обязательное условие для любого, самого мелкого начальника). Заставить их создать город из текста (писем), одной только силой своего убеждения, что такой город уже есть (если уж письма оттуда пишут) – это была гениальная идея.

Вечная история: два друга (царь и жрец, но могут быть и другие роли) сидят на дереве, хулиганят, ржут, как кони, и из этого их безответственного хохота рождаются новые миры, или меняются старые, ну или хотя бы города растут – самые лучшие, пограничные, все как мы любим.

Все такое важное,

такое незначительное, такое драгоценное, слишком простое, чтобы быть правильно понятым. А непонимание искажает суть и даже портит описанное. Далеко не всегда, но бывает и так.

Вот, например, в центре города Вильнюса на Лукишской площади колосится рожь. Когда-то сразу после наступления Независимости, друг А. предлагал посадить на Лукишской площади картошку. Вот просто перепахать там все, посадить картошку, каждый год собирать урожай, чтобы вылечить место от памяти о том, чем ему пришлось быть. О расстрелах, о памятнике-ленину, о прочем таком, чего не должно происходить, а происходило.

Картошку на Лукишской площади, конечно, никто не посадил, разбили сквер, и все.

Но прошло какое-то время, и место взялось лечить себя само. Туда стали приходить люди с мыльными пузырями. Потом там, возле летней кофейной будки стали регулярно собираться танцоры линди-хопа. По средам, что ли? Или по вторникам? Или когда бог на душу положит? Никак не могу вычислить, есть ли какая-то закономерность в их появлениях.

А потом посадили рожь. Засеяли ею не всю площадь, а

только небольшую часть, типа клумбу разбили. Но плевать, рожь колосится, и, по-моему, пора уже собирать урожай. Август все-таки.

Друг А. в свое время придумал отличный метод расколдовать плохое место. Люди его, конечно, слушать не стали. Ну и плевать: место, набравшись сил, этот метод усовершенствовало и само запустило процесс, используя двуногих бескрылых балбесов в качестве инструментов. Самых лучших из них (из нас), конечно. Потому что годные инструменты получаются только из лучших. Ну, это и так понятно.

Я очень надеюсь, что весь мир сумеет действовать не менее эффективно, чем Лукишская площадь. И сумеет исцелить себя от воспоминаний о глупости и злобе. Он, строго говоря, так уже и действует на некоторых своих территориях. Хотя не столь активно, как хотелось бы мне, но я всегда хочу невозможного.

А на некоторых других территориях он не действует пока. Или все-таки действует, но очень слабо, невооруженным глазом не заметишь.

И хорошо бы ему (миру) собраться, мобилизовать все силы и приниматься за крупномасштабное, интенсивное исцеление себя вот прямо сейчас. Пока еще живы те лучшие, из кого получаются годные инструменты. Пока их (нас) относительно много, и есть на кого положиться.

Я думаю, ему (миру) надо очень, очень спешить. Потому что – сколько можно тянуть? Я хочу успеть посмотреть, как у него все получится.

Всякий раз,

когда вижу вот эти озера сумеречного бирюзового света в полуночном небе, вдыхаю холодный воздух, густой от аромата жасмина (в жопу «чубушник», жасмина!) и диких северных роз, мне кажется, что я недостаточно остро все это чувствую, слишком слабая реакция, не соответствующая происходящему вокруг северному летнему полуночному миру, с веселым птичьим щебетом, подпрыгивая на кочках, летящему в самый солнцеворот. Потому что нормальной реакцией, соответствующей происходящему, было бы взорваться сердцем и умереть вот прямо сейчас, пока бирюзовые окна рая открыты нараспашку, и оттуда громко, не стесняясь щебечущих птиц и орущих котов, уже зовут домой, ужинать.

Но я еще погуляю, конечно. У нас тут шиповник, качели, чай в термокружке и еще костер.

И этот костер – я.

Какой может быть ужин.

Вчера мы стояли на берегу речки

Вильняле, которая совсем слетела с катушек, возомнила себя настоящей бурной горной рекой, и по ней на бешеной скорости, с ревом и грохотом летела вся вот эта дурацкая ледяная каша, вся эта ваша осязаемая материя, данная нам в сильных ощущениях – бум! – ой!

Если долго сидеть на берегу такой взбесившейся реки, задница примерзнет, несмотря на бодрый вчерашний плюс один. Зато если долго стоять на берегу реки, можно увидеть, как ледяная каша несется в обе стороны сразу – очень быстро вниз по течению и гораздо медленней – вверх. Если стоять еще дольше, крепко держась за перила ограды, потому что иначе просто не устоишь, можно наконец понять, вернее, увидеть, что оба эти потока, быстрый и медленный, на самом деле один поток, во всех направлениях сразу. Реки даны нам в качестве учителей, чтобы наглядно демонстрировать действующую модель времени: «сейчас» – это и есть всегда. И одновременно везде, хотя кажется, будто категория «везде» – это уже о пространстве.

А пространство – это же просто одно из измерений времени. «Всегда» без «везде» не бывает, равно как и никакого «сейчас» не может быть без «здесь».

Но штука даже не в этом. А в том, что, если в первый день оттепели стоять на берегу быстротечной реки долго-долго, минуту или полторы, можно ощутить, с какой скоростью несется наша планета. Это очень приятная штука – ощущать вращение Земли. Только за прутья ограды нужно держаться очень крепко, чтобы не улететь насовсем.

Г

Где твои деньги?

Самая гнусная, подлая, лживая разновидность материализма выражается формулой: «Если ты такой умный, где твои деньги?»

Я хочу сказать, что, пока мы оцениваем себя и ближних, прибавляя к подлинным или мнимым (в данном случае совершенно неважно, оценка всегда субъективна) достоинствам способность обеспечивать себя кормом или вычитая неспособность это сделать, мы – слоны, несущие на своих спинах безрадостный ад материалистической концепции, в рамках которой жизнь – это питание, размножение, выкармливание потомства и быстрая смерть ради освобождения кормовых площадок для нового поколения. И индивидуальные особенности нецелевого использования теплых сортиров, известные под названием «личностный рост», ничего не меняют. Мало ли о чем таком возвышенном думает слон, пока он честно держит на своей спине ад, чертям это не особо мешает.

...Способность зарабатывать деньги сама по себе не «хо-

роша» и не «плоха», наличие этой опции – вопрос удачи в гораздо большей степени, чем принято думать. В разные времена и в разных культурах хорошо оплачиваются разные способности, склонности и свойства характера; в итоге вопрос всегда стоит так: насколько удачно ты прицелился, выбирая место рождения. Вот и все.

А когда прицелился неудачно, ради прокорма приходится задвигать себя в сторону. Есть устойчивое убеждение, будто способность прокормиться – сверхценность. Строго говоря, это и есть материализм. А вовсе не решительный отказ истово креститься на Мачу-Пикчу.

Способность задвинуть в сторону всего себя, со своими особенностями, страстями, желаниями, интересами ради прокорма все еще почитается добродетелью, а на самом деле она – просто разновидность готовности капитулировать, покориться материальности мира, данной нам в ощущениях, довольно острых и неприятных, когда доходит до нехватки корма. Понятная слабость, в той или иной степени свойственная всем, кроме лучших из лучших, для которых, впрочем придуман универсальный выход: умирай молодым. И возмущенный вой социума: «Как это – нет?» – в тех редких случаях, когда эти суки отказываются. И еще какое-то время живут среди нас, подъедая жалкие крошки, упавшие со столов честных добытчиков корма, хором вопрошающих: «Если ты такой умный, где твои деньги?»

Где-где.

Мало что я ненавижу так сильно, как эту вашу самодельную мясорубку.

Городские новости

На Кафедральной площади поставили елку. С окнами и балконами. С нетерпением жду, когда на балконах повесят сушиться белье.

Белье пока не повесили, зато вокруг елки нынче вечером водили хоровод войска НАТО (не в полном составе, только некоторые представители) с оркестрами.

У этого города чувство комического, пожалуй, даже более причудливое, чем у меня.

Д

Две прехорошенькие девицы

идут по улице, катят велосипеды, что-то обсуждают. Обгоняя их, слышу, как одна говорит: «А потом все закончится, и я стану, как мама».

Диалоги о художниках

Альгирдасу

– Мне в Барселоне рассказали, что Гауди все время по городу с бутылкой восьмидесятиградусного абсента ходил, такой был пьянчужка. Это многое объясняет.

– В смысле он все эти годы пытался сделать ровненько и аккуратненько?!

* * *

– Такая сначала была хорошая затея – сюрреализм. Вдруг какие-то художники решают, что пора начать говорить о невидимом, непостижимом и непроизносимом. О таком, что в человеческий ум не помещается вообще, но в целого человека более-менее помещается. Вот как сон, который вспомнить невозможно, но он же был! И если как-то пытаться о нем говорить, то только языком искусства. Вот какой должен был быть сюрреализм! И вдруг внезапно на сцене появляется Сальвадор Дали, и начинается эстрада.

– Все эти циферблаты стекающие, да?

– И прочее такое же – в лоб. Вернее даже, что в лоб, что по лбу. Но цветное, красивенькое. Ровно та степень странности, которая помещается в человеческую голову маленькую,

твердую, одна штука, второй сорт. И теперь считается, что это и есть сюрреализм. Даже у меня со словом «сюрреализм» первая ассоциация – Дали. Ужас!

– Пустили бы его делать театральные декорации. Задники для сцены. У него отличные задники получались бы. И времени ни на что больше не оставалось бы. И всем было бы хорошо.

– Точно! Ты тоже не любишь Дали? Дай я тебя обниму немедленно!

– Вот за это меня еще никто никогда не обнимал.

– Я тебя еще и за Гауди не побью теперь!

– Очень жаль. Потому что за Гауди меня тоже еще никогда не били.

* * *

– ... вот некоторые художники умеют делать, а некоторые просто умеют найти мецената.

– Ха! Найти мецената – это такой талант, что нам всем и не снилось.

– Да. Вот я не нашел. Двадцать лет зарабатывал деньги, потом пришел сам к себе, сказал: давай я тебя издавать буду. И стал издавать книги (имеются в виду альбомы фотографий), одну за другой. Если бы не было денег, ничего бы не издал. И никто бы сейчас меня не вспомнил. И на Биеннале не позвали бы. И Национальную премию не получил

бы. Хотя художник все тот же – я. Но без денег ничего бы не было. Сам себе меценат.

– Это еще ничего. Могло быть хуже. Вот прикинь, заработал ты все эти деньги. Приходишь потом сам к себе, говоришь: «Давай ты будешь меня издавать!» И сам себе: «Да ну, иди в жопу, фуфло ты, а не художник, я лучше самолет куплю».

– Какой самолет?! Там было максимум на пол-крыла.

– Ничего. Настоящего мецената, не желающего давать деньги гению, такие пустяки не останавливают.

* * *

– Нет никакой справедливости. Попасть в историю искусства – просто выигрыш в лотерее.

– А если ты очень крутой, сто пудов ни в какую историю не попадешь. Потому что настоящая тайна сама себя бережет. Ты, например, гений, а человечество – не гений. И ему пока такое искусство рано показывать, не переварит. Тогда тебя вообще никто не заметит. Ну или заметят, но в первый ряд точно не поставят.

– Вот как Клее, например.

– Да! Вот смотрит Вселенский разум с небесей: «Чо это там у нас друг Пауль затеял? Ой-ой-ой, куды ж он поперед бабки в пекло? Нельзя такое пока! Ой, чо делать, чо делать? Так. Выпускаем Дали. Щас он шум поднимет, внимание от-

влечет, и все будет путем». Ну и высказывает такой Дали – оп-па! И пляшет канкан. И все вокруг: «Ах, гений! Ах, сюрреализм!» А Клее себе дальше тихонько свое херачит, ему-то пофигу.

– Или вот мы, например, свое тихонько херачим. А там на небесах...

– Вселенский разум уже задолбался эту эстраду на землю поставлять. У него бедного уже мозоли на тех местах, которыми сальвадордалей лепят! Но ничего не поделаешь, надо.

* * *

– Я был у нее дома один раз, помог пакет с вещами занести. Такая стандартная двухкомнатная квартира в панельном доме. В одной комнате все обычно, простенькая такая обстановка. Она говорит: «Брось пакет в другой комнате». Я открываю дверь, а там войти невозможно, вся комната заставлена...

– Картинами?

– Нет, всяким говном. Она его оттуда понемножку вынимала и на холсты клеила. Но сколько там наклеишь. Комната была заставлена так, что пакет некуда положить. А она мне кричит: «Наверх швыряй!» Я забросил пакет куда-то наверх кучи и быстро-быстро дверь закрыл, чтобы он обратно не вывалился.

– Вот удивительно. У меня в последней книжке ровно та-

кая же ситуация с художником. Тоже дом так хламом завален, что дверь открыть невозможно...

– Вот! Теперь ты понимаешь, как у нее было много хлама? Я дверь-то всего на полминуты приоткрыл, а хлам оттуда в твою книжку вывалился!

Дитя из преисподней

Внезапно нас замело, и установились лютые морозы. Минус два, если не все четыре. Поэтому весь выпавший снег пока лежит – до завтрашней оттепели.

При такой небольшой отрицательной температуре запах снега становится очень сильным. Эссенция, концентрат, абсолют снега. Вторая, не менее яркая нота – абсолют печного дыма. Вокруг много частных домов с печами.

Эта смесь – один из запахов моего детства. Снег в Берлине выпадал редко, оставался лежать еще реже. Обычно сразу таял. Но если не таял, лежал целый день или два. Или даже три. Иногда такое случалось аж дважды за зиму. А иногда, для равновесия, не случалось вовсе. За шесть лет, что мы там прожили, совершенно точно были две зимы, когда на санках покататься так и не удалось. Это значит, четыре зимы были снежные. Ну как снежные – дня два или три были наши, а большего никто и не ждал.

...В те редкие бесконечно счастливые морозные (минус два, если не все четыре) дни запах снега смешивался с запахом дыма из труб придомовых котельных. У нас во дворе было два двухэтажных многоквартирных дома, при каждом своя котельная. Топили углем.

Топила, собственно, моя мама. То есть не только она, еще три тетки. Работали сутки через трое. Но, конечно, не сидели в котельной сутки напролет, а бегали туда раз в пару часов посмотреть, как дела, подбросить угля. Потом снова возвращались домой. Два раза в сутки там надо было производить какие-то сложные действия, кажется, чистить печь, но тут на помощь хрупким женщинам-кочегарам приходили мужья – с утра перед службой и вечером перед сном.

Поэтому работа в кочегарке считалась – не бей лежачего. Впрочем, даже если бы она считалась трудной, это ничего бы не изменило. За работу платили гэдээровские марки, а марок ощутимо не хватало. Там какие-то сложности были с этими марками – их военным (по крайней мере, прапорщикам и старшинам) платили мало, далеко не всю зарплату, а только часть. Другая часть оседала в рублевой форме на сберкнижке и обмена на марки не подлежала. Поэтому все жены пытались найти работу на месте, все равно какую, кочегарка – это еще отличный был вариант. Сутки через трое, раз в два часа угля в печь подбросить, и за это марки дают. Невообразимо повезло.

Меня в кочегарку особо не пускали, но иногда все-таки удавалось пробраться. В кочегарке царил красноватый огненный полумрак, было очень тепло, пахло подвальной сыростью. Как выглядели сами отопительные агрегаты, я, конечно, толком не помню. Только багровое пламя, вырыва-

ющеся из печи, когда открывают заслонку, и темные тени огромных котлов.

Ничего удивительного, что когда мне в руки попала книжка с картинками про чертей и пекло (впрочем, есть у меня подозрение, что это была даже не книжка, а просто карикатура в журнале «Крокодил»), узнавание произошло мгновенно. Да это же наша кочегарка!

За первым радостным открытием последовало второе, еще более радостное: если моя мама топит печку в пекле, значит она – черт!

Ну и папа, наверное, тоже черт, если ходит ей помогать. И тетя Шура, и тетя Римма, и третья тетя, не помню, как ее звали – черти, определенно. Меня окружают настоящие черти из пекла. Вот это, братцы, жизнь!

Это открытие совершенно меня окрылило. И вовсе не потому, что меня с младенчества терзала неодолимая тяга к сатанизму. Не терзала! Мне просто хотелось интересного. Интересного вокруг было много, но не очень. Были мы с родителями, были другие люди, подозрительно на нас похожие, были немцы, тоже похожие на нас, но с другим языком, были монголы, самые прекрасные существа на земле, нечеловечески раскосые, плосколицые и в красивых одеждах. И все! Никакого разнообразия, никаких волшебных существ.

И тут вдруг внезапно выясняется, что мы только с виду

люди, а на самом деле – черти. А черти – крутые чуваки, про них сказки пишут. А значит, и про нас. Мы – те, с кем происходит все самое интересное. Какое счастье!

Хотя выглядели мама с папой и все эти тети-кочегары все-таки неподобающим образом. Где рога? Где, спрашиваю вас, хвосты?! Как – нет? И у меня, что ли, не отрастут с возрастом? Ну нет, я так не играю.

Мои осторожные вопросы про рога, копыта и хвосты явно испугали родителей, так что расследование пришлось прекратить. Тем более, что ничего путного допрашиваемые не сообщили. Тогда пришлось привлечь собственный аналитический ум и создать очень логичную и правдоподобную версию, что мы маскируемся. Что мы черти из пекла – это тайна. Чего-чего, а шпионских романов в библиотеке, куда родители ходили за книжками, хватало, так что теоретическая база у меня была уже к пяти годам. И ясно было, что тайну надо хранить и не признаваться.

Пришлось взять себя в руки и не хвастаться нашим удивительным чертовским статусом во дворе. И даже соседка тетя Валя, с которой у меня были очень доверительные отношения, так ничего и не узнала.

Но не могу же я всю жизнь терпеть и не сознаваться! Тем более, столько лет прошло. Родителей уже на этом свете нет, маминых коллег – не знаю, но подозреваю, что тоже. А ес-

ли и есть, я же их паспортные данные не разглашаю. Авось обойдется.

Для души

Некоторые граждане рассуждают про сортировку информации по принципу «полезно-опасно для души»; неважно по какому поводу.

Важно, что я уже сутки ору на своей внутренней кухне, стуча внутренним кулаком по внутреннему столу, заставленному пустыми бутылками из-под внутренней, какой же еще, водки.

«Опасно для души! Опасно! Для души!» – примерно вот так я ору.

Подразумевая, конечно же, что все самое так называемое опасное для так называемой души уже случилось в момент опрометчивого рождения этой самой души на планете Земля, а теперь поздняк метаться, хуже уже не бывает, следовательно, будет только лучше. Ну или вообще никак.

Донкихотство как выгодная долгосрочная стратегия

1. В детстве мы вынуждены быть идеалистами – просто вследствие нехватки информации об окружающем мире. Все лакуны мы заполняем самостоятельно. И, естественным образом, заполняем их так, чтобы результат нравился нам. В итоге получаем идеалистическую картину мира, более-менее устраивающую нас, особенно в местах самостоятельно заполненных лакун.

(Тут следует уточнить, что идеалистическая картина мира вовсе не обязательно предлагает всеобщую доброту, рыцарство и прочий сказочный героизм с хорошим концом. Она вполне может предполагать возможность счастливо бездельничать, поедая бутерброды! Мало ли кто как представляет себе идеальный гармоничный мир, в котором хочется жить.)

2. Всякое взросление почти неизбежно сопровождается увеличением объема информации об окружающем мире и почти неизбежным же крушением наших идеалов. Потому что какими бы умными детками мы ни росли, а додуматься до более-менее реалистичной картины мира шансов у нас немного. И случайное совпадение детских идеалов с истинным положением дел тоже, мягко говоря, маловероятно.

3. Можно сколько угодно объяснять сложности подросткового возраста биологически – дескать, в это время детям пора уходить из стаи и начинать самостоятельную жизнь. Однако наиболее интересная часть правды заключается в том, что именно в этом возрасте происходит крах идеализма, сопровождаемый как справедливым негодованием по поводу взрослых, умудрившихся так хуево все устроить, так и естественным желанием построить свою прекрасную реальность с блэкджеком и феями. Или вампирами. Кому чего.

4. Построить свою прекрасную реальность человеку оказывается слабо. Это нормально вообще – обнаружить, что хрен ты ее сам себе построишь. И существующую не отменишь. Такая беда.

5. Суицид (быстрый или медленное саморазрушение, кому как больше по сердцу) – самая честная реакция на крушение идеалов. Но люди довольно редко бывают настолько честны, поэтому большинство выходит из этого кризиса живыми. И тут встает самый интересный вопрос: что дальше?

6. Вопрос интересный, но ответы на него довольно однообразны. Большинство переживших крушение идеализма выбирает сдаться и перейти на сторону врага. То есть стать естественной, органичной частью той самой реальности, об которую расхуячились их идеалы. Зоологический инстинкт

самосохранения подсказывает, что так больше шансов выжить, дать потомство и выкормить его.

Это, кстати, правда. Действительно гораздо больше.

7. Штука в том, что каждый человек знает, что идеалы (любые, самые дурацкие, но идеалы) – это хорошо. А отказ от них – плохо. Но «знает» не означает «осознает». С осознанием этого факта (и вообще с осознанием) у уважаемого человечества на данном этапе развития довольно хреново обстоят дела. Поэтому недовольство своим поражением и переходом на сторону противника остается неосознаваемой внутренней болью, которая не мешает сладко питаться, активно размножаться и откусывать головы потенциальным конкурентам, но при этом постепенно разрушает психику и вообще не дает жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.